

Загребельный Михаил Павлович Лев Троцкий

Он потряс мир

Завтра наступит 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года, дата публично заявленного большевистскими вождями из ЦК РСДРП(б) восстания в Петрограде. А сегодня, в 11 утра, в Мариинском дворце глава Временного правительства Керенский пообещал им, старым большевикам, немедленную, решительную и окончательную ликвидацию. На третьем этаже Смольного, здания Института благородных девиц, в маленькой угловой комнате сушит голову штаб переворота — Военно-революционный комитет (ВРК). Где Ленин (Старик)? Ясное дело, в подполье, а вдруг он опять свою излюбленную «утку» запустил? Охоч Старик желаемое за действительное выдавать. А Сталин (Коба), член ВРК, где? Неужто сдрейфил? Пропал Коба, как в воду канул, бесследно, и никто не ведает куда. Ох, не получился бы вместо революции кочевой разбой, такая баранта. Молодец Каменев. На пожарный случай для побега из Смольного крейсер «Аврора» приготовил. И обставил все красиво. Мол, не волнуйтесь, товарищи рабочие с Выборгской

стороны и кронштадтцы! Мы, если что, с вами навек, только на крейсер перебазируемся и будем через репродукторы команды подавать. Ох, не пришлось бы чудачкам драпать от юнкеров!

ВРК пребывает в растерянности и тревожных предчувствиях. Штаб Петроградского военного округа замер в ожидании более 60 эшелонов вооруженных до зубов солдат и казаков. Их сняли с фронта по решению Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве и направили подавить бунт.

А Лев Давидович Троцкий и виду не подает, что волнуется. Тем более товарищи из ЦК не посчитали нужным отправить его в состав ВРК. Куда ему, он всего лишь один из цековцев, да вот еще недавно партия поручила Петросоветом порулить. Он литератор и оратор в штатском. Товарищи из ВРК к баталиям готовятся, а он просто мимо проходил.

Поздно вечером 24 октября на входе в Смольный охрана долго не пропускала незнакомца в потертом пальто и кепке, половину лица которого закрывала повязка из носового платка, и его телохранителя с двумя револьверами в карманах. У них оказались пропуска старого образца. В конце концов их внесла в здание толпа возмущенных заминкой военных и штатских. Некогда, товарищи,

разбираться, какие у кого пропуска, белые или красные. С зарей идем на штурм!

Спустя десятилетие Маяковский расскажет в поэме «Хорошо!»:

Товарищи, не останавливаться, чего встали?
В броневики и на Почтамт
По приказу товарища Троцкого!
«Есть!» — повернулся и скрылся скоро.
И только на ленте у флотского
Под лампой блеснуло «Аврора».

На самом деле броневики понадобятся уже при новой власти, чтобы усмирять красногвардейские пьяные караулы винных складов Зимнего. Маяковский в стихах, Эйзенштейн в кино живописали свержение Временного правительства так, как последнее само себе представляло. И к которому тщательно готовилось, окружая свои административные здания войсками, возводя баррикады, обустривая пулеметные гнезда. Напрасно, их никто не собирался штурмовать. И сам ВРК был создан по большому счету для отвода глаз и имитации намерений о переговорах с командованием Петроградского гарнизона. Когда в ночь на 25 октября инкогнито с лицом, перевязанным платком, снимет в Смольном кепку, его, гладко выбритого, в парике, никто не узнает.

Он особо и не спешил раскрывать себя. Не торопился в комнату № 100, в ВРК. Он попросил своего охранника немедленно разыскать тов. Троцкого. Тов. Троцкий ответил запиской, что с нетерпением ждет дорогого тов. Ленина, все в порядке. Ленин несколько раз перечитал заветную весть. Он до последнего момента не был уверен в том, в чем убеждал его последние месяцы Лев Давидович: «...общая ситуация в стране, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства — ничто. Восстание как машина — все. Восстание не искусство. Это удар по паралитику. Временное полуправительство отправится на свалку истории при помощи тысячи подготовленных боевиков, инженеров, путейцев, телеграфистов, спецов. Машину заводят специалисты-техники. Остановить машину смогут только техники».

К 24 октября закончились «невидимые тренировки» вооруженных групп в штатском, количеством от 3–4 до 10–25 человек, с неизменно приданными им специалистами по конкретному объекту, отлажено их взаимодействие с внедренной либо работавшей там же агентурой. Боевики под видом бестолково слоняющихся обывателей, просачиваясь через грозную и, как оказалось, бесполезную охрану, обследовали все входы и выходы главных, узловых точек, в которых

пересекались линии обеспечения руководства, жизнедеятельности страны, от вокзалов до колодца с телефонными кабелями под зданием Генштаба. В назначенный час боевики Троцкого взяли под свой контроль инфраструктуру страны, что обеспечило большевикам контроль над столицей и государством.

Например, Московский вокзал Питера захватили две команды из 25 латышских стрелков, двух матросов, десяти железнодорожников и телеграфиста для контроля движения составов. Юнкера заняли в Москве Кремль и несолоно хлебавши ретировались. Большевики их выкурили цивилизованно: обесточили Кремль на электростанции на Раушской набережной, которая снабжала центр города. А движение с фронта десятков эшелонов карателей и усмирителей, последнюю надежду «временных», в гомельском узле парализовала горстка машинистов, стрелочников, сцепщиков вагонов. Это чуть не стоило жизни местному вождю переворота. Самосуду фронтовиков над саботажником помешал один из полесских большевиков, выхвативший из кармана опубликованный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания с криком: «Товарищи, руки прочь от кандидата Кагановича!» Разъяренные офицеры и казаки вмиг присмирели. Тут вам не царские порядки, а власть слуг народа.

Ночь на 25 октября отложилась в памяти Троцкого еще и голодным обмороком. Когда убедился, что все хорошо, лучше и быть не может, он отошел от раскаленного телефона, затянулся на диване папиросой и впал в беспамятство. Очнулся и попросил еды. Не помнил, когда последний раз ел, точно не вчера.

Осенью 1924 года на страницах «Правды» Сталин признает: «Да, это верно, Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре». А в 1984-м оценку дал единственный оставшийся в живых участник событий непосредственно в Смольном, извечный оппонент Троцкого Молотов: «Это было единственное время, когда Троцкий держался неплохо». В библиотеке Молотова в 4-м томе собрания сочинений Сталина на полях от руки вписана часть оригинального варианта статьи «Октябрьский переворот» о ключевой роли Троцкого в переходе Петроградского гарнизона на сторону большевиков. Наступал «День седьмого ноября — Троцкий день календаря!» На смену династии Романовых после восьмимесячного антракта всерьез и надолго воцарилась партийная династия вождей-диктаторов. Льву Давидовичу Бронштейну, Троцкому, исполнилось 38 лет. Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, другие вожди пообещают, что они в Смольном временно, до

января 1918 года, до Учредительного собрания, а пока даруют народам долгожданный мир, рабочим — заводы, крестьянам — землю. Впереди же были годы нечеловеческих испытаний.

Но партия сохранит империю. Как любил повторять Троцкий, партия всегда права: «Разрешены все средства, которые по-настоящему ведут к освобождению человечества». А что касается даты 7 ноября, то заключит: «Мистики и пифагорейцы могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил это курьезное совпадение только через три года после октябрьского переворота». Человек рассеянный...

Детство. Южноукраинское село Яновка. 1879-1887

Лев Давидович Бронштейн родился по старому стилю 25 октября 1879 года в деревеньке Яновка (сейчас Береславка) на несколько недель раньше Иосифа Джугашвили. Районный и областной центры для яновчан-береславчан по сей день все те же. На расстоянии 23 километров находится городок Бобринец, основанный в 1767 году. А от Бобринца еще 54 километра до провинциальной столицы, которую маленький Лев увидел только в шестилетнем возрасте. Это

Елизаветград, в 1924–1934 годах — Зиновьевск, а сейчас Кировоград. На месте крепости Святой Елизаветы, заложенной в 1754 году, к концу восьмидесятых годов позапрошлого столетия на берегу реки Ингул вырос промышленный центр, почти 140 фабрик и заводов, важный транспортный узел железной дороги Харьков— Елизаветград — Одесса. Елизаветград сыну неграмотных земледельцев, выросшему в мазанке с глиняным полом, показался прекрасным олицетворением ее величества цивилизации с тротуарами, зелеными крашеными заборами, красными шарами на ниточках, воскресшими «фараонами», как тогда называли городских.

Когда мальчик станет взрослым, судьба забросит его во множество стольных градов, от Вены и Берлина до Нью-Йорка и Мехико, но их блеск и грандиозность никогда не затмят первого яркого детского восторга и восхищения. И не забудется тоска при возвращении к родным яновским пенатам: «Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки». У Льва не было покупных игрушек, только раз мама привезла из Харькова бумажную лошадку и мяч. Его привилегированные ровесники из высших сословий катались на английских пони под присмотром гувернанток-француженок на

набережных Лазурного берега. Саша Керенский, например, наслаждался счастливой жизнью с отцом, заведующим сразу двумя школами в Симбирске, и мамой, наследницей богатого состояния московского купца.

У Давида Леонтьевича (Львовича) Бронштейна (1843–1922) и Анны, или Аннеты, Львовны, урожденной Животовской (скончалась ок. 1910) не было наследства либо классовых привилегий. Потомки яновчан и сегодня уважительно делятся семейными воспоминаниями о Давиде Леонтьевиче. Рачительный, настоящий хозяин, правда, крутого нрава. Лев был мягче. Однажды, тогда еще ученик реального училища, он приехал из Одессы на каникулы. Увидев, как сезонным рабочим вынесли нехитрый обед в корыте, он не мешкая помчался в Бобринец и купил гору столовых приборов и фарфоровых, не фаянсовых, тарелок; позже, в голодную пору военного коммунизма, по личному указанию Троцкого в Яновку не единожды доставляли продовольственную помощь.

Фамилия Бронштейн происходит из двух слов на идиш: «брон» — коричневый и «штайн» — камень. В первой половине XIX века род Бронштейнов мигрировал с Полтавщины осваивать новорусские степи, целину южноукраинских ковыльных степей. Здесь, около Бобринца, по

соседству с немецкими колонистами, они основали поселение Громокля — одноименное название с речкой, правым притоком Ингула длиной чуть больше 100 километров. Существует давний спор, будто Давид Бронштейн был в колонии приемным ребенком, переданным в Громоклюю на воспитание по просьбе живущей поблизости овдовевшей княжны, родственница которой родила мальчика от служившего в имении аристократов незаконного сына Пушкина. Воздержусь от собственных оценок. Только плесну масла в огонь полемики. Сторонники родства Троцкого с Пушкиным в качестве одного из решающих аргументов приводят их общее заболевание — падучую. Но сам Троцкий полагал свой недуг унаследованным от матери. Впрочем, на фоне легендарной жизни вождя меркнут любые предания.

Бронштейн-старший обладал некоей пассионарностью, предпринимательским гением. Он без колебаний покинул колонию Громокля и дистанцировался от ее замшелых порядков. Маленький Лев, которого возили в колонию осваивать азы грамоты, с ужасом наблюдал, как по решению колонистов неугодного, на их взгляд, собрата отправляли в ссылку в Сибирь «как вредного члена общества». Давид Леонтьевич сначала покупал и арендовал земли, и Лев на примере взрослых, соседей отца постигал азы

рыночной экономики. Многие помещичьи семьи с их французским языком, бильярдом и прочим беспутством без надлежащего внимания к своему хозяйству разорялись. «Они валились, как сухие листья с дерева». Бронштейн-старший тем временем арендовал все больше земли. Он настолько развернул зерновое хозяйство, что отказался от услуг заезжих негоциантов и экспортировал зерно через посредника прямо в Николаевском порту. Бывали и кризисы. Так, однажды он посетовал, что эта, как ее... Аргентина выбросила слишком много зерна и сбила цены.

Анна Львовна была верующей и любящей матерью. Она выросла в городе и чувствовала себя в селе неуютно. Только четверо из восьми ее детей не умерли в детстве от болезней. Лев был пятым ребенком. Впоследствии его младшая сестра Ольга вышла замуж за большевистского вождя Каменева, а затем ее расстреляли в первые месяцы войны в Орловском центре.

В свои семнадцать лет, уже покинув отеческий дом, Лев порадовался за семью, которая наконец возводила каменный дом, крытый железом: «Родители покупали вообще мало, особенно в старые годы, — и отец и мать умели беречь копейку...» В советское время в этом доме была начальная школа. Ее закрыли к началу 1970-х, во дворе вырыли скотомогильник. Жители соседней

Кетрисановки, на берегу Громоклеи, разобрали добротные кирпичи с клеймом «Б» и возвели себе две хаты и летнюю кухню. С той поры над ними подтрунивают: «Вот придут Бронштейны...»

Нет, не придут, не вернуться. В гражданскую вчерашний капиталист из Яновки Бронштейн, владеец земель, стад, кирпичного завода, мельницы, броварни, недвижимости, постоянного двора и аптеки в Бобринце, чудом уцелел, несколько сотен километров прошел по пылающей Украине. Перед смертью начальствовал на государственной мельнице под Москвой, любил на родном украинском посудачить о видах на урожай с наркомом продовольствия Цюрупой. Когда он умирал, Лев стоял на трибуне перед делегатами конгресса Коммунистического Интернационала.

Всех, связанных родственными узами, просто знакомых Троцкого на Кировоградщине репрессировали в 1930-х. Колонию Громоклея уничтожили фашистские захватчики. Сегодня на ее месте голая, без единого камешка степь. До начала 1960-х годов на разоренном яновском еврейском кладбище уцелела одна-единственная надгробная мраморная плита на могиле матери вождя. А затем вандалы прицепили трос к трактору и сорвали надгробие в поисках клада. Не прошло и нескольких недель, как один из них попал под

трактор и умер по дороге в больницу, второго убила балка горящего дома.

С 1902 года Троцкий, с небольшим перерывом в 1905–1907 годах (первый, неудачный переворот, суд и побег с этапа на оленях), обитал преимущественно в западноевропейских столицах. Рафинированный литератор, знаток сецессиона и фрейдизма, меломан, он не мыслил утро в Вене без кофейных и папиросных ароматов, утренней свежей газеты и стакана холодной из-под крана воды в «Cafe Central», Herrengasse, 14. Каким образом ему удалось подчинить себе в 1917 году пугачевщину, фронтовиков, крестьян и рабочих? Венцы — писатель Цвейг, художник Климт — удивлялись самому вопросу о возможности революции в России: «А кто ее там совершит? Троцкий из «Cafe Central» за шахматной доской?» Оказалось, именно он и совершит, прогремит. В 1917 году Урицкий заметил в беседе с Луначарским и Мануильским: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого».

Троцкий подчинил, повел за собой массы, потому что говорил с ними на одном языке. До восьми лет он рос среди крестьян, сезонных рабочих, на земле, в селе, которое составляло экономическую и социальную основу тогдашней России. Восемь жгучих степных лет с их

кульминацией, уборкой урожая, «жнивями», страдой. За ней приходит молотба на току, за клунями. Мешки с пшеницей заполняют клуны, Бронштейн-старший трудится наравне со всеми, Лев рядом, с селянами. Крестьяне и их сыновья пошли в 1914 году на фронт и за три года кровопролитий утомились и потеряли веру в лозунги «За царя и Отечество!». Им после отречения от престола царя Николая в феврале 1917-го были глубоко безразличны временные полуправительства с их Чрезвычайными следственными комиссиями (ЧК изобрели при Керенском) и парламентами. Троцкий в 1917 году не сомневался, что эти люди мечтают о безоговорочном избавлении от ужасов войны, гнета помещиков, о своем хлебе. Ленин тогда же признался, что он сам голодающие массы воспринимает отстраненно: «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы».

Троцкому уходить в люди было ни к чему. Вождя воспитала сельская украинская глубинка: «В мастерской, в людской кухне, на задворках жизнь раскрывалась передо мною шире и по-иному, чем в семье... Многие из тех бесед вошло в сознание навсегда. Многие, может быть, легло в основу моего отношения к современному обществу».

Маленький Лев навсегда запомнил, как пороли провинившихся, арестовывали пришлых батраков за неисправные документы; на его глазах проходили первые в его жизни забастовки. На Херсонщину в жатву на заработки приходило до 300 тысяч «заробитчан» с Киевщины, Черниговщины, Полтавщины. Шли целыми семьями, неделями, пешком, питались буквально краюхой хлеба. До Покрова, около четырех месяцев жили под открытым небом в поле, в дождь укрывались в стогах.

В обед ели постный борщ и кашу, на ужин — пшеничную кашу, мяса в хозяйские харчи не добавляли. Лев наблюдал, как иногда жатву прекращали и забастовщики собирались в тени амбаров, ложились животами на холодную землю, загибая вверх черные, все в трещинах ступни, и ждали. Им выносили кислого молока, арбузы, тарань, и они с песней возвращались в поле. Часто из-за обезжиренности снеди (жиры давали скудно и исключительно растительные) тяжело работавшие от рассвета до заката люди повально заболевали куриной слепотой.

Будущий вождь пролетариата представление о фабриках и заводах получил в мастерской, главном месте Яновки. Там ремонтировали сеялки, сноповязалки, нарезали гайки и винты, растирали краски на каменном кругу, отливали медные

подшипники, починяли часы, ремонтировали мебель, точили крокетные шары из слоистой акации. Лев до изнеможения вертел колесо токарного станка: «В мастерской я никогда не был без дела». А крокет станет его любимой игрой. Когда подпольщиком в Николаеве, в 18 лет, он без устали печатал листовки на гектографе, уроки яновского ручного труда пошли ему впрок.

Однажды кроху-подмастерье заморозил рассказ крестьянина, пытавшегося найти свое счастье на заводе. В мастерскую заявился туго подпоясанный ремненным поясом Игнат в городских сапогах и кожанке с цветной мережкой. День напролет мастеровые внимали сказу о неведомом бытии и задумчиво изрекали: «Известно, завод... Это тебе не мастерская... А много там станков?»— «Как в лесу деревьев». Льву привиделся Игнат в стальном лесу: «Ни вверх, ни вправо, ни налево, ни назад, ни вперед ничего не видать, одни машины». А как в том городе прожить? Харчи, квартира? За все плати? Игнат снисходительно просвещал темных земляков: мол, за все надо платить, но ведь и заработок не тот: «За полгода и оделся трошки, и часы себе купил». Вся Яновка во главе с Давидом Леонтьевичем придирчиво разглядывала часы, передавая из рук в руки. Перед этим бесспорным доводом удачи смолкали.

Оплотом большевиков станут пролетарии в первом поколении, в рядах молодого рабочего класса отсталой страны они найдут себе преданных последователей и слушателей. Ленин, Троцкий, Горький, вожди и идеологи большевиков привлекут их революционным идеализмом, непревзойденным горизонтом грядущих времен, убедят, что путь из сельского захолустья до заводской проходной есть лишь первый шаг покорения мира, самоутверждения, светлого будущего.

Учиться Лев начал в семь лет. Его отвозили в колонию Громоклея, оставляли у тети Рахили. В начальной школе колонии преподавали русский язык, арифметику и Библию на иврите. Азы грамоты мальчик постигал несколько месяцев. Иногда на неделю и больше Лев сам себе назначал каникулы, возвращался в Яновку: «Я начинал продираться через печатные строки. Я списывал стихи... Я писал стихи». Маленького стихотворца родители против его воли принуждали демонстрировать свои таланты перед гостями. Так он получил первый опыт декламации. Он вкусил от дерева познания, чтение открыло новую эпоху в жизни.

Но Одесса лучше. 1887-1896

Осенью 1887 года Лев уезжает в Одессу получать образование. Его приютили двоюродная сестра с мужем, будущим знаменитым одесским издателем. Моисей Шпенцер в свои 28 лет уже пострадал за народнические, толстовские убеждения, поэтому после гимназии дорога в университет была ему заказана. Правда, к марксизму он был безразличен. Когда молодой журналист гостил у родителей Льва, чтобы подлечить на природе слабые легкие, его взору однажды предстала брей-гелевская картина бредущих с вытянутыми вперед руками пораженных куриной слепотой косарей. Он немедленно опубликовал об этом гневную газетную заметку и вынудил отца Льва держать ответ перед земской инспекцией. Естественно, радости от этого Бронштейн-старший не испытывал. Независимость суждений и энергичность помогли Шпенцеру буквально с нуля основать одесское издательство «Mathesis», занимавшееся публикациями научно-популярных сочинений из области физико-математических наук. В трехэтажном здании в Стурдзиловском (ныне Веры Инбер) переулке он также разместил бланкоиздательство, типографию, литографию.

Провожали в Одессу Льва дружно, всем семейством. Со слезами, разодетого с иголки от портного из самой Громоклеи, с объемным ящиком горшков с маслом, банок с вареньем и других гостинцев. Сначала на лошадях километров сто на юг, к железнодорожной станции Новый Буг. Дальше Николаев, порт, и пароход доставил Льва на берег Южной Пальмиры, украинского Марселя. Спустя сорок лет, в ночь на 10 февраля 1929 года, изгоняемого вождя с женой и старшим сыном отконвоируют на пароход «Ильич» и отправят на остров Принкипо.

На островке в Мраморном море он позже писал: «Жизненная фильма не имеет конца, а я был только у самого ее начала». Школьнику в квартире Шпенцеров определили занавешенный угол столовой. Квартиру эту выделили начальнице казенного училища для девочек, выдающейся супруге Шпенцера, именно так и не иначе заочно отзывались о ней в Яновке, за то, что достигла такой высокой должности и нашла такого умного мужа. В семье Шпенцеров Лев познакомился с городской культурой, приобрел правильные манеры, превратился в воспитанного и образованного отрока. В 11–12 лет маленький горожанин познает востребованность своего литературного дара. Кормилица его двоюродной племянницы Веры (1890–1972) не знала, как

задобрить Льва, чтобы он сочинил очередное письмо и мужу в Америку и будто бы брату. Будто бы брат получал излияния любви и признания в готовности примчаться к нему. Мужу кормилицы Веры, который уехал в Америку на заработки, Лев повествовал о мрачном небосклоне ее жизни и требовал присылать доллары. Мальчик соприкоснулся с переживаниями взрослых, запутанными семейными треугольниками.

В двадцатых годах Вера, уже знаменитая поэтесса, напишет около десяти стихотворений, посвященных Троцкому.

Евтушенко предполагает, что они содержат признания в любви: «При свете лампы — зеленом свете — Обычно на исходе дня В шестиколонном кабинете Вы принимаете меня. / Затянут пол сукном червонным, И, точно пушки на скале, Четыре грозных телефона Блестят на письменном столе. / Налево окна, а направо, В междуколонной пустоте, Висят соседние державы, Распластанные на холсте. / И величавей, чем другие, В кольце своих морей и гор, Висит Советская Россия Величиной с большой ковер. / А мы беседуем. И эти Беседы медленно текут, Покуда маятник отметит Пятнадцать бронзовых минут. / И часовому донесенью Я повинуюсь как солдат. Вы говорите: «В воскресенье Я вас увидеть буду рад». / И,

наклонившись над декретом И лоб рукою затея,
Вы забываете об этом, Как будто не было меня».

В Одессе, благодаря Моисею Шпенцеру, Лев приобщился к волшебному миру книгопечатания: «Я близко познакомился с набором, правкой, версткой, печатанием, фальцовкой и брошюровкой. Правка корректуры стала любимым моим развлечением. Любовь моя к свежееотпечатанной бумаге ведет свое происхождение от тех далеких школьных лет». Блеск Троцкого как хрестоматийного публициста XX века во многом базировался на его знании из первых уст основ издательской практики, понимании, где и для кого он пишет. Скорее всего, из него вполне мог получиться газетный магнат. В 1905 году, например, помимо руководства Петербургским Советом рабочих депутатов Троцкий издавал две ежедневные газеты: «Русскую газету» и «Начало». Их общий тираж достигал 100 тысяч экземпляров. Совокупный тираж всей периодики его противников был на 20 тысяч экземпляров меньше. Или вот случился казус в 1912 году, о котором вспоминал Молотов: «Троцкий возмущался, что мы у него украли название газеты «Правда». Письмо писал... Он издавал за границей «Правду» и сказал, что большевики у него украли название, — дескать, так как моя «Правда» популярная среди рабочих

газетка, так вот, большевики... хотят вроде как вывеской моей прикрыться».

Однако помимо радостей, царская Одесса заставила юного Льва испытать и чашу унижений. Тогда среднюю школу разделяли на элитарную, гимназию, и обычную, училище. Его заветная мечта о гимназии, классическом гуманитарном образовании разбилась о глухую стену: надзиратели за чистотой самодержавия, православия, народности поштучно, как на амбарных счетах, выделяли, сколько подростков неправославного вероисповедания достойны накоротке общаться с античными героями за одной партой с такими «благонадежными отроками», как, скажем, Керенский. Льву показали от ворот поворот, и он отправился в реальное училище. Да и то «зарубили» на вступительных экзаменах в первый раз, заставили проучиться год в подготовительном классе. Так промывали мозги тем, у кого кроме жажды знаний не было ни протекции, ни взятки. Возможно, отец Льва к тому же поскупился, как говорится, «смазать». Мечтал, что его сын, наследник неграмотного предпринимателя из Богом забытой глубинки, возглавит семейное предприятие, и будет оно процветать. Реальное училище — идеальное место для воспитания будущего капиталиста, тем более что его выпускники получали дополнительно профессию